

М. В. Разумовская

«ЧИТАТЬ ЛЮБИТ?»

О проблеме книги в век Просвещения во Франции и в романе И. А. Гончарова «Обрыв»

1992 ВЕСТНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2).
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Веб-публикация: Снежана Карелина и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*

В Предисловии к роману «Обрыв» И.А.Гончаров писал, что при анализе натуры художника его «удалял» от всякого подражания «знаменитостям склад и характер русского типа». ¹ Тем самым Гончаров как бы предостерегал от намерения соотносить его творчество с достижениями западноевропейской мысли и литературы. И действительно, серьезные попытки изучения наследия Гончарова в связи с общим развитием европейской культуры были предприняты только за последние полвека. ²

Предметом нашего внимания будет отношение И.А.Гончарова к философии и литературе века Просвещения во Франции при написании им романа «Обрыв» (1869). По собственному признанию, Гончаров не ограничивался изображением «микроскопических явлений» сегодняшнего дня, ибо писатель должен «стремиться к идеалам»;

в этом отношении для него большую роль играли «знаменитые авторитеты», которые не могут иметь того обаятельного влияния на потомков, какое имели на своих современников; «но не отнестись с глубоким уважением к этому авторитету, обусловившему в сильной степени и современное развитие общества - значит... грешить совершенным отсутствием исторического чутья» (VI, 449, 450, 457; VIII, 140)

В статье «Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки)» (1879) Гончаров писал: «Нет - будем держаться школы старых учителей и идти проложенным ими путем, не отказываясь, конечно, от истинных, законных развитий, новых шагов в искусстве» (VIII, 145). Эта «школа старых учителей» крепко запала в его ум и сердце. Гончаров отмечал, что «первоначальное образование в науках и языках, французском и немецком» получил в небольшом пансионе, который содержал «сельский священник, весьма умный и ученый человек, женатый на иностранке» (VII, 217). В 1831 г. он поступает в Московский университет по словесному факультету, где «историческое и критическое изучение отечественной и иностранной литературы» дало Гончарову «надлежащее направление» (VII, 218). Огромное влияние на студентов оказывали Н.И.Надеждин и С.П.Шевырев. Их лекции «внесли здравый критический взгляд на литературу», производили нравственное влияние, ставя идеалы добра, правды (VII, 225), «формировали... перо» (VII, 218). Три года учебы в университете (1831-1834) удовлетворили жажду Гончарова в серьезном чтении, дали ему познание лучших образцов мировой литературы. По приезде в Петербург в 1835 г. Гончаров определился на службу, но тщательно изучал «иностранную литературу» (VII, 256). Он признается: «Я знал порядочно по-французски, по-немецки, отчасти по-английски и по-латыни» (VII, 231, 225). Занимался Гончаров и переводами «из Шиллера, Гете (прозаические произведения)», переводил «также из Винкельмана, отрывки некоторых английских романистов», потом переводы «уничтожал» (VII, 219). ³ Таким образом, он «систематически, с помощью критического анализа, изучил образцовые произведения иностранных и отечественных писателей» (VII, 222).

Гончаров замечает, что «только тому университет и сослужит свою службу, кто из чтения сделает себе вторую жизнь» (VII, 246). Эта вторая жизнь началась для него значительно раньше университетского курса. В пансионе Ф.А.Троицкого была разрозненная библиотека, где были сочинения отечественных авторов, описания некоторых путешествий, исторические книги, из французов - Расин, Вольтер, Руссо, Фенелон и многое другое, «словом, невообразимая смесь, прилежно читавшаяся, почти выученная наизусть» (VII, 224). Чтение было «без системы, без указания, с поглощением более всего романов (Коттен, Жанлис, Радклиф в чудовищных переводах), путешествий, описаний» (VII, 217). В университете «чтение ... шло своим непрерывным чередом» (VII, 218). Читая все, что попадалось под руку, Гончаров читал и «произведения французских беллетристов господствовавшей тогда школы», но скоро «отрезвился от влияния современной французской литературы» (VII, 221).

Отрезвления от французской литературы XVII-XVIII вв., к счастью, не последовало. Гончаров хотел, чтобы его читателем был человек активный и умный, который был бы в состоянии понять идейную и эстетическую суть его произведений. Он исторически подходит к предмету своего изображения, сочетая вечное, природное, социальное. Задачи романа «Обрыв» Гончаров определил сам: изображение игры страстей, анализ натуры художника, ее проявления в искусстве и жизни, вопрос о так называемом «падении» женщин (VI, 461). Воплощению этих идей помогает, вкуче со всем остальным, и память о французской литературе. Между делом отметим, что несколько раз у читателя могут возникнуть ассоциации с французской литературой XVII, «великого», века.⁴ «Глубокое уважение к авторитету» (VI, 449) проявилось в отношении Гончарова к веку Просвещения. Гончаров, укажем на это, использует мелкие детали, которые связаны с XVIII столетием и украшают роман. В комнатах Пахотина, который отличался «старческим тщеславием иметь вид шалуна», высокий готический камин прикрывали ширмы «с картинками фобласовских нравов» (V, 20). Не раз Райский вспоминает о «головках Грёза» (V, 29; VI, 365, 422). Нравился Райскому и Тит Никоныч, напоминающий придворного Версаля, «остаток прошлого века, живущий, под знаменем вечной учтивости, приличного тона, уклончивости» (V, 248). Но куда существеннее в «Обрыве» роль книги, которую Гончаров использует с самыми разнообразными целями, следуя традиции, установившейся во Франции в век Просвещения.

В романе видного французского просветителя маркиза д'Аржана «Мемуары маркиза де Мирмона, или Уединенный философ» (1736) подробно и детально описывается домашняя библиотека героя (это описание занимает в целом около двадцати страниц).⁵ Это не должно нас удивлять. XVIII в.-время накопления и систематизации новых знаний во многих областях научной, общественно-политической и эстетической мысли. Это время эрудитов, людей, стремившихся к широкому, всестороннему, энциклопедическому постижению мира. И не случайно лучшие умы эпохи Просвещения много внимания уделяли

искусству составления библиотеки. «Всякий более или менее состоятельный человек, всякое частное лицо, если оно не было вовсе необразованным, - имели собственную библиотеку, более или менее обширную, - характеризовал это время Дидро в специальном трактате «Письмо о торговле книгами».⁶ В XVIII в. было собрано много прекрасных библиотек (во Франции - библиотеки Вольтера, Дидро, оказавшиеся впоследствии в России, Монтескье, Масильона, Гелетта, маркиза Р.-Л.д'Аржансона, президента де Бросса, Ла Кондамина, Дорту де Мирана, Бюффона, Тюрго, Гольбаха, О.-Г.Мирабо). Публикуются руководства по искусству составления библиотек. Одно из наиболее серьезных и известных среди них - брошюра Ж.-А.-С.Формея «Советы, как составить библиотеку, малочисленную, но хорошо подобранную» (1755).⁷ Формей слыл одним из просвещеннейших людей своего времени, был активным участником «Энциклопедии» Дидро и Даламбера.

Новым духом «Энциклопедии» веет и от его «Советов...» Цель автора - говорится в «Посвящении» - поддержать любовь к словесности, чувство, «бесконечно полезное» как частным лицам, так и государству: ведь «сердце очищается по мере того, как просвещается разум». «Предисловие», открывающее «Советы...», - восторженное прославление книги и чтения. Автор называет два вида читателей книг: профессиональных ученых (которым он воздерживается давать советы) и «всех людей обоего пола, которые... хотят придать своей жизни новое содержание». К этой второй категории читателей, не знающих, как удовлетворить свой «счастливый пыл» к изящной словесности и которые, выбирая книгу, «блуждают в потемках», и обращается Формей.

Он убежден, что «пятьсот или шестьсот» хороших книг, выбранных «с умом и сердцем», вполне достаточно для идеальной библиотеки, иначе можно запутаться «в бесконечном море книг, коими заполнена Вселенная».⁸

Идеальная библиотека, по Формею, должна состоять из следующих двенадцати разделов: I. Теология и Священная история; II. Философия; III. Изящная словесность; IV. Журналы; V. История; VI. Романы; VII. Поэзия; VIII. Красноречие; IX. Этика и мораль; X. Науки военные и математические; XI. География и путешествия; XII. Юриспруденция и медицина. Наставление Формея имело, конечно, своих предшественников. Одним из них были «Советы по составлению библиотеки» (1627) Г.Ноде (1600-1653), ученого-эрудита, занимавшегося философией, юриспруденцией, медициной, долгое время бывшего хранителем знаменитой Библиотеки Мазарини. Хорошая библиотека отличается не количеством книг, считает Ноде, а хорошими авторами. При составлении библиотеки надо следовать методу, обращаться за советами к знатокам, изучать каталоги больших и малых собраний, следить за книгами, выходящими в свет, навещать лавки букинистов. В хорошей библиотеке должны быть словари, различные справочники, толкования. Говоря о расположении книг, Ноде дает их классификацию по разделам: теология, философия, история, медицина, юриспруденция, гуманитарные науки. Автор «Советов...» убежден, что главная цель библиотеки - делать людей лучше, просвещать их.⁹

Как видим, энциклопедист Формей во многом следовал этим наставлениям эрудита XVII столетия. Возможно, они были известны широкообразованному маркизу д'Аржану, автору «Уединенного философа». Сравнение идеальной библиотеки Формея с идеальной библиотекой в романе д'Аржана позволяет обнаружить большое сходство между ними как по структуре, так и по составу. Обращает на себя внимание прежде всего одинаковый количественный состав: «не более шестисот томов» - у д'Аржана и «пятьсот-шестьсот книг» у Формея.

М. В. Разумовская

Почти полностью совпадают и разряды, на которые делится библиотека. Сравнение образцовых сочинений, включенных в тот или иной раздел, также свидетельствует о близости вкусов и убеждений романиста и кабинетного ученого. Особый интерес для нас представляет отношение к роману у того и другого. В «Уединенном философе» хозяин библиотеки, философ-отшельник, подводя гостя к последним полкам, говорит: «А это романы. - Романы, - воскликнул граф. - Как, философы читают романы?»¹⁰

В связи с этим необходимо сделать небольшое отступление. К 1730-1740 гг. роман стал во Франции наиболее распространенным литературным жанром. Однако по традиции, сохранившейся со времен господства классической эстетики, теоретики прекрасного и большинство литературных критиков относились к роману настороженно, а то и враждебно и даже с известной долей презрения как к жанру низкому, «безродному», не имеющему корней в античности. Роман по традиции, продолжал считаться несерьезным развлекательным жанром, вполне удовлетворявшим неприхотливые вкусы легкомысленного и необразованного читателя, но мало подходящим для библиотеки серьезного ученого. Конец 1730-1740-е годы - период ожесточенных гонений на роман, но лучшие умы хорошо понимали, что в романе скрыты неисчерпаемые возможности для нового, более полного и правдивого отражения жизни. Один из первых это понял маркиз д'Аржан, плодовитый романист и видный литературный критик.

«А почему бы философам не читать романов?», - отвечает маркиз де Мирмон своему другу. - Есть такие романы, которые могут принести больше пользы, чем иные самые серьезные книги». И он называет два наиболее прекрасных, на его взгляд, романа - «Приключения Телемака» Фенелона и «Дон Кихот». Далее он одобрительно отзывается о «лучших романах» XVII в. и о сочинениях своих современников. Оценка книг, стоявших на полках, говорит о том, что новый французский роман, несмотря на непрекращавшиеся гонения, убедительно заявил о себе как о сложившемся литературном жанре, способном ставить и разрешать современные общественно-политические, философские, моральные проблемы. Это новое положение французского романа к 1755г. и получило отражение на страницах книги Формея. «Можно подумать, - пишет Формей в разделе VI своего труда, озаглавленном «Романы», - что создатели романов, с точки зрения историков, пребывают в положении незаконных детей по отношению к законным. Но чтобы смягчить это сравнение, я прибавлю, что, хотя они и находятся в положении незаконных детей, по опыту видно, что ... они лучше пользуются дарами природы, чем законные. Существуют, бесспорно, романы, написанные чрезвычайно искусно; они увлекают, волнуют». Формей подробно анализирует романы XVII в. и те, что появились в век Просвещения.¹² Таким образом, «Советы...» Формея зафиксировали важный процесс утверждения романа в качестве полноценного литературного жанра; один из первых этапов этого процесса, как помним, получил отражение в книге маркиза д'Аржана. Отметим, что в «Советах по составлению библиотеки» (1627) Г.Ноде лаконично сказано: «Романы читают лишь слабые умы».¹³

В настоящее время затруднительно судить, насколько рекомендации Формея совпадали или расходились с реальной практикой формирования библиотеки образованного читателя XVIII в. В хорошо изученных книжных собраниях Монтескье и Вольтера, а также других видных просветителей, романы занимают весьма скромное место. Но зато нам хорошо известен состав библиотеки рядового образованного читателя XVIII в.¹⁴ Д.Морне описал пятьсот библиотек, и в каждой из них мы встречаем «батальоны романов». Пятьсот читателей поставили на свои книжные полки, не считая сотен томов разного рода «Библиотек» и «Сборников», романы 697 наименований, опубликованные или переизданные только за период с 1740 по 1760 г.; «на одну книгу по медицине приходится два романа».¹⁵ Д.Лигу, изучая место романа в некоторых библиотеках XVIII в. по инвентарным посмертным спискам книг, пришел к справедливому выводу: люди эпохи Просвещения были большими любителями романов.¹⁶ Состояние библиотек - это важный аспект при изучении умственного развития общества. Всякая библиотека появляется и развивается при определенных исторических условиях, которые оказывают свое воздействие на ее формирование и состав. Состав этот, как правило, не бывает случайным, он отражает определенные тенденции в мировоззрении писателя и читателя, их потребности; состав частной библиотеки с неизбежностью выявляет интересы ее владельца, свидетельствует об уровне его образованности.¹⁷

Во французских романах XVIII в. книге была отведена поистине замечательная роль. В романе аббата Прево «Английский философ, или История г-на Кливленда, побочного сына Кромвеля» (1731-1739) Элизабет Кливленд, мать главного героя, скрываясь от преследований жестокого диктатора в пещерах на берегу моря, помещает туда и свою библиотеку. Там она читает книги при свечах; главным предметом ее изучения была моральная философия. Много «серьезных книг по морали и истории» читает и воспитываемая отшельником в арденнских лесах героиня романа Жана д'Овиньи «Мемуары мадам де Барневельд» (1732). Любят чтение и феи: в романе Ла Морлиера «Ангола» (1746) описывается библиотека феи Люминёз; здесь, среди старинных ученых книг, есть и романы. Интересное описание библиотеки содержится и в романе аббата Прево «Мемуары порядочного человека» (1745): владелец сообщает, что его библиотека ценна не по количеству книг, а по их выбору, что, помимо книг, связанных с его профессией юриста, он собирает «самых лучших писателей в разных жанрах».

Чтение книг становится сюжетообразующим фактором в интриге романа, помогает характеристике героев, свидетельствует об их интеллектуальности; напоминание о книге помогает автору решать важные проблемы, связанные с философскими представлениями эпохи Просвещения. Аббат Прево устами своего героя («Мемуары порядочного человека») заявляет, что чтение - «привычное занятие» для героев романа. Книги они читают при самых разнообразных обстоятельствах: в сутолоке светской столичной жизни (Прево, «Мемуары порядочного человека»; Бакюляр д'Арно, «Несчастливые супруги», 1746) и в загородных поместьях; герцогиня из романа Кребийона-сына «Письма герцогини» (1768) сердечно благодарит за посланные ей в деревню книги; героиня Бастида в романе «Трибунал любви» (1750) читает в деревне; влюбленный философ в романе д'Аржана «Влюбленный философ» (1737) живет в деревне среди книг, а другой его герой признается, что чтение хороших книг - это единственное утешение в провинциальной жизни («Современный законодатель», 1739). Книги в романах, как и в жизни, читают с разными целями, но всегда - «для приятного препровождения времени» (Кребийон-сын, «Афинские письма», 1772; Прево, «Мемуары г-на де Монкаля», 1741). Чтением развлекают больного (Прево, «Моральный мир», 1760), книги жадно читают, выздоравливая после ранения (граф де Кейлюс «Вечера в Булонском лесу», 1742); книги - утешение тому, кто избрал жизнь отшельника (Кейлюс, «Вечера в Булонском лесу»; д'Аржан, «Мемуары маркиза де Мирмона»). Читает заключенный в тюрьму по ложному обвинению французский офицер, для которого чтение - это подлинное благо, помогающее ему выжить («Мемуары порядочного человека»). Политический изгнанник, герой Годара д'Окура, берет на корабль то, что может утешить его в тоске, и прежде всего книги («Колыбель Франции», 1744). В горе единственным утешением считают чтение книг (Прево «Моральный мир»). О книгах не забывают и влюбленные: шевалье де Гриё из романа Прево «Приключения шевалье де Гриё и Манон Леско» (1731) мечтает о жизни на природе, об обладании библиотекой избранных книг, и Манон трижды застают за чтением. В романе Гийо де Ла Шассаня «Шевалье дез Ессар и графиня де Берси» (1735) неудачник в любви запирается в своем особняке и предается чтению хороших книг. Страстно влюбленный у Бастида («Философская могила», 1751) читает предмету своей любви роман. Персонажи в романах часто беседуют о книгах (аббат Вуазенон «История блаженства», 1751); они обращаются к книге как к аргументу, чтобы убедить в своей правоте (Кребийон-сын, «Счастливые сироты», 1754); они ищут в книге обоснование жизненным фактам (Прево, «Моральный мир»).

Чтение книг - важный фактор в воспитании молодого человека (Прево, «Английский философ»; Ламбер де Сомери, «Мемуары графа де Бонневаля», 1737; Ла Морлиер, «Ангола»); оно способствует формированию характера. Чтение - главное условие образования (Сен-Фуа, «Турецкие мемуары», 1731; Кребийон, «Афинские письма»; Овиньи де Кастр, «Мемуары мадам де Барневельд»); чтение развивает и украшает ум (Гайяр де Ла Батай, «История жизни и нравов м-ль де Кронель», 1752), заставляет задумываться о себе и правильно себя оценивать (Гайяр де Ла Батай, «Жанетта вторая», 1745); оно помогает выбрать жизненное поприще (Прево, «Мемуары юности командора де***», 1741). Романисты подчеркивают, что человек часто выбирает книгу инстинктивно, следуя внушениям собственного темперамента (Менье де Керлон, «Фасион, или Куртизанка из Смирны», 1749; Гюз, «Приключения графа Делюрилия», 1741; мадам де Тансен, «Мемуары графа де Комменжа», 1735).

Чтение хороших книг приносит только счастливые результаты: оно учит умению строить беседу (Прево, «Моральный мир»), размышлять (Прево «Мемуары порядочного человека»), снабжает полезными знаниями; оно учит переносить несчастья (Бастид, «Приключения Виктуара Понти», 1758), воспитывает ровность нрава, оберегает женщин от зависти, а мужчин - от фатовства (мадам де Тансен, «История монахини», 1748). Однако укрепляет образование и нравственность только чтение хороших книг, чтение книг плохих, опасных, разрушает мораль, разжигает дурные страсти (шевалье де Муи, «Посмертные мемуары графа де Д***», 1735).

Таким образом, в романах почитаются те, кто читает: будь то прелестная женщина, бравый военный, изысканный придворный, эрудит, собиратель редкостей, обладатель большой библиотеки или фея. Писатели признаются, что пишут они в основном для молодых людей и женщин, на которых набожные или ученые сочинения не произведут того впечатления, какое могут произвести романы, во многом выполняющие те же функции, что и сугубо наставительные книги (Гийо де Ла Шассань, «Любовь, которой чинятся препятствия», 1741).

Мы привели только несколько примеров из романов в основном первой половины XVIII в. Число их можно было бы умножить: ведь «страсть к библиотекам сделалась всеобщей» (Прево, «Мемуары порядочного человека»). Все это еще раз подтверждает тот факт, что французский роман первой половины XVIII в. отнюдь не был легкомысленным жанром. Он ставил и разрешал те же глубокие проблемы, которые волновали лучшие умы эпохи Просвещения. Его подчеркнуто сосредоточенное внимание к вопросу о месте книги в обществе и в жизни отдельного человека, о благотворности знаний, роли библиотеки - еще одно тому подтверждение.¹⁸ И так, как мы видели, эрудиты и ученые, философы и писатели назидательного века Просвещения, с его непоколебимой верой в практическую пользу наук, стремились руководить вкусами и мнениями своих современников. Через несколько лет, начиная с 1751 г., эту смелую и трудную задачу возьмет на себя «Энциклопедия» Дидро и Даламбера. Прельстительная мечта об идеальной библиотеке, объединявшая и увлекавшая и высокообразованных, трудолюбивых авторов ученых трудов, и любознательных чувствительных создателей романов, была, несомненно, одним из проявлений этого стремления.

Во всех трех романах Гончарова книга стала существенным способом для испытания тою или иного героя, а также важным средством его характеристики читает ли герой, что читает и как - это поможет нам понять, с кем же мы имеем дело. Но только в «Обрыве» Гончаров использует книгу и как возможность проверить жизненную философию, и как один из приемов при построении сюжетного повествования. В этом отношении многое роднит его с веком Просвещения.

В романе «Обрыв» большое место отведено библиотеке в старом доме, которая принадлежала еще родителям Райского. Ее неоднократное описание напоминает состав библиотеки, принадлежавшей священнику, в пансионе которого учился Гончаров (ср.: VII, 217, 224; V, 47-48, 50, 52, 79, 193). Райский-ребенок «читал со страстью», читал и «всякие пустяки», читал и великие произведения древних и новых авторов. В письме Леонтия Козлова упомянуты старые готские издания классиков в драгоценных переплетах, Шекспир (текст пополам с комментарием), французские энциклопедисты в пергаменте, первоначальные издания (V, 125-126). Выделим из этого многочисленного собрания, среди двух-трех тысяч томов (V, 206), французских писателей XVII-XVIII вв., - это Расин с Корнелем, Вольтер, все энциклопедисты, Монтескье, Мармонтель, бесчисленные мемуары, Бернарден де Сен-Пьер, Дидро, Парни, романы Коттен, Жанлис (V, 79, 193, 205). Леонтий составляет каталог по разделам - творения св.отцов, весь богословский отдел, Платон, Фукидид и другие историки, поэты - они уцелели, а вот Спиноза, Макиавелли (т.е. философы) и еще полсотни увражей перепорчены Марком Волоховым, этим «Омаром», который хоть из эльзевира выдерет листы (V, 125-126). Этот каталог напоминает нам французские руководства по составлению библиотек XVII-XVIII вв. Марк берет из этой библиотеки Вольтера (VI, 70), священник, муж Натальи Ивановны, читает из нее Вольтера, кое-что из энциклопедистов (VI, 241).

Первым вопросом, по которому хотят распознать человека, был «Читать любит?» (V, 161). Книга воспринималась как важное средство воспитания. Райский, познакомившись с Марфенькой, приходит к выводу: «Мы будем вместе читать... у тебя сбивчивые понятия, вкус не развит. Хочешь учиться? Будешь понимать, делать верную о критическую оценку» (V, 181). Книга становится одним из главных способов общения; Райский предлагает Вере: «...мы будем вместе читать, учиться.. Мы будем читать все, старое и новое, свое и чужое, передавать друг другу впечатления, спорить...» (V, 297).

Герои романа часто читают книги вместе, а в обществе мало кто осмелится не прочесть «последнего французского или английского наделавшего шуму увража» (VI, 386). Увлечшись юной и невинной красотой Марфеньки, Райский, чтобы вызвать ее интерес к себе, берет над подмогу прочитанные ею Книги (V, 203). В «Обрыве» читают всё. Тушин в свободное время «любил читать французские романы» (VI, 103); читает спившийся Опенкин (V, 325); подруга Веры попадая «читает много книг», муж ее из молодых «даже французские книжки читает» (VI, 79). Марфенька читает, когда соскучится (V, 179), читает она, что попадет, но не может одолеть серьезные книги, «уж очень высоко для нее», слишком «величественно», а романы читает только те, где кончается свадьбой (V, 179-180). Она часто может примолкнуть и читать книжку «с веселым окончанием» (VI, 36), она любит читать вместе с Викентьевым (VI, 143, 248). Отношение к книге характерно и для Марка: в его конуре у огородника лежало десятка два книг (V, 339), однако ему ничего не стоит из прочитанного вырвать листик и закурить с его помощью сигару или сделать трубочку и чистить ею ногти или уши (V, 126). Свою фрондерскую деятельность он ограничивает тем, что дает молодежи из семинарии и гимназии «запрещенные книги», чтобы «плесень не завелась», и эти книги, включая Вольтера, берутся не только из библиотеки Райского, их содержание возмущает последнего: «Эти книги молодым людям?» (VI, 70). Он цинично просит Райского взять вину на себя, а любовь Веры считает «сочиненной и придуманной», «как в романах» (VI, 259).

Видное место занимает книга в мироощущении Райского и Веры. Райский, как знаем, с детства читал со страстью, выпрашивая книги, где мог, но книги с фактами, а умозрений не любил, как вообще всего, что увлекало его из мира фантазии в мир действительный (V, 47). В этом проявилась особенность его натуры, одаренной, творческой, но не способной к упорному труду, не могущей довести дело до конца из-за лени, бездействия, нетрезвого понимания действительности (VI, 430). В первый приезд к бабушке, узнав от маленькой Верочки, что в старом доме есть книги, Райский зачитался, его стало не слышно в доме, он «жадно пожирал волюмы за волюмами» (V, 79). Живя в деревне по второму разу, он получает книги из Петербурга. Чтение - не только его неперемное занятие, он пользуется книгой при всех обстоятельствах жизни. Желая понять Веру, Райский прежде всего хочет знать, что она читает. Он с пристрастием допытывается у Веры, какие именно книги читала она в его библиотеке, у кого брала книги из новых авторов (V, 291; VI, 240-241), ибо понимает, что Вера выросла из бабушкиной опытности и морали благодаря чтению книг. Постепенно скрытность Веры вызвала у Райского враждебное чувство, когда та не захотела вместе читать, мечтать, уноситься вслед за поэтами (V, 343, 349). Меняя тактику, он перестал напрашиваться в «руководители мысли», не спрашивал ее больше о прочитанном, чтобы не показать, что занят ею (VI, 30), рассуждая о Вере и женщине вообще в дневнике, Райский поминает Вольтера (VI, 192). Книга для него настолько привычный атрибут, что, желая писать портрет Веры, позволяя ей смотреть, куда хочет, он дает ей все-таки в руки книгу (VI, 363).

В область мысли и знания Вера вступила также недоверчиво и осторожно, как была осторожна и скупа в симпатиях. Она читала сначала от скуки, без выбора и системы, что попадет, потом стала читать из любопытства, наконец некоторые книги с увлечением (V, 308). Она заведовала книгами в старом доме; так до книг дотрагивалась живая рука, и они уцелели (V, 193); она помогала Леонтию разбирать книги (VI, 236). Скоро Вера почувствовала бесцельность и бесплодность странствования по чужим умам без руководящей нити. Она хитро расспрашивала Козлова, а потом перечитывала книги опять и находила в них больше смысла и интереса. Она прислушивалась к мыслям и впечатлениям молодого священника, не делясь ни с кем своими наблюдениями. Марк внес новый взгляд на все то, что она читала, взгляд полного и дерзкого отрицания небесных и земных авторитетов, старой жизни, старой науки, старых добродетелей и пороков.

Она изумилась, но не бросилась слепо в поток этих смелых, иногда увлекательных идей, не боялась показаться отсталою, а стала «пытливо и осторожно» вслушиваться в проповедь нового апостола (VI, 308). Она увидела слепое презрение к старому, не основанное на опыте и борьбе всех внутренних сил, где принимались на веру непроверенные ничем авторитеты новых людей без прошлого, без истории, без прав. По страстной своей натуре она влюбилась в Марка, но не влюбилась в его учение, оставшись верной старым прочным понятиям о жизни и счастье (VI, 313). Когда Райский хочет проникнуть к ней в душу, она прячет книгу, не поддаваясь ни на какие ухищрения. Когда же Райский не показывал, что занят ею, не спрашивал о прочитанном, она сама просила у него книг, сама говорила о своем впечатлении (VI, 30). Книга сопровождает ее повсюду (V, 342, 355, 58, 168 и т. д.).¹⁹

Особую роль книга играет в жизни Леонтия Козлова, сына дьячка, который принадлежал к породе ученых, погруженных в книги, и ничего, кроме них, не ведающих, живущих прошлой или идеальной жизнью, не замечающих жизни настоящей (V, 189). Он был классик и читал все, что истекало из классических образцов (V, 191). Всю жизнь он «сидит над книгами» (V, 164). Когда Райский поручил ему свою библиотеку, Леонтий обмер, и старые, запыленные, заплесневелые книги получили новую жизнь; он горько убивается, когда Марк испортил часть книг. Лучшим достоянием Райского он считает книги (V, 205). Полгода он составляет каталог библиотеки, а когда Райский дарит ему книги, он готов «сойти с ума», не верит ему, вздыхает, просит не шутить, не обольщать его. Райскому приходится часто подтверждать, что книги ему подарены. Когда Леонтий читал старца-классика, у него появлялась жизнь в глазах, и глаза эти бывали умны, оживлены (V, 195). На замечание Райского, что книги - еще не жизнь, что старые книги сделали свое дело, Леонтий торжественно решает: «Чего нет в этих книгах, того и в жизни нет или не нужно» (V, 209). Зарываясь в Фукидиде, Леонтий не видит того, что делается вокруг. После того, как Ульяна оставила его, бабушка говорит: «Бог дал ему ученость, да остроты не дал... закопался в свои книги!» (VI, 207). Леонтий трагично переживает разлуку, он не видел измен жены и после ее ухода признается, что любил и книги, и гимназию, и древних и новых людей, и своих учеников... потому только, что любил ее (VI, 212), любил за римский профиль. С самого начала с он смотрел на будущую жену, точно вчитывался в новую, незнакомую ему еще книгу. Сама Ульяна к книгам была холодна, половины не понимала в прочитанном, возмущалась тем, что Леонтий «уткнет нос в книги и знать ничего не хочет» (V, 205). Она воспользовалась его доверчивостью и любовью, по-своему заботилась о нем, но считала себя правой, обманывая мужа: «Куда ему? Умеет он любить! ...Дались ему эти книги ... Пусть же они и любят его!» (VI, 90); как она оставляет его без всякой жалости. Леонтий рад поселиться в доме у бабушки, он хочет прежде всего перевезти библиотеку, смотреть за ней, так и не веря, что библиотека - его. Осудить Леонтия невозможно: неразвитая и эгоистичная Ульяна не могла оценить такого человека в силу своей тупости; не книги составили несчастье Леонтия», а любовь его к той, кто греческую печать хочет перенести на ситец книги ставит вверх дном, а сочинения Горация по-латыни переводит как «Горациевы оперы» (V, 208).

Бабушка Татьяна Марковна не совсем была внимательна к богатой библиотеке, доставшейся Райскому (V, 193). Она поучает Марфеньку: «Не все в книгах написано!» (V, 318). Гончаров отмечает, что нравственная сила, энергия характера и простой, но глубокий ум бабушки могли лучше и вернее всяких книг и знаний решать вопросы жизни (VI, 463). Однако в трудную минуту бабушка вспоминает о книге и, чтобы остеречь Веру, прибегает к «аллегории». Она вспомнила о нравоучительном романе, который сама читывала в молодости и даже плакала над ним. Тема его состояла в изображении губительных последствий страсти от неповиновения родителям.²⁰ Татьяна Марковна разделяла веру в печатное слово вообще, когда оно было назидательным. Поэтому обе сестры стали читать ей по вечерам вслух.

Вера ничего не сказала, Марфенька осведомилась, счастливый ли конец, а Райский изумился, что бабушка выкопала такую старину, столь допотопное сочинение. Бабушка во время чтения глядела на Веру, которая читала внятно, покорившись испытанию, и бабушка радовалась, что та «вслушивается, замечает, мотаает на ус», что «история попадает не в бровь, а прямо в глаз». После окончания Райский выразился: «Экая дичь!», Марфенька утирала слезы, а Вера спросила, за что ее мучили целую неделю, верно хотели за что-то наказать. Бабушка прямо ответила, что хотела не наказать ее, а остеречь к (VI, 116--119). Однако чтение романа способствовало тому, что Марфенька и Викентьев объяснились в любви в тот же вечер. Бабушка заметила: «Вот я хотела остеречь их моралью - и даже нравоучительную книгу в подмогу взяла: целую неделю читали-читали, и только кончили, а они в ту же минуту и проделали в саду, что в книге написано!.. Вот вам и мораль!» (VI, 136). Но любовь и брак Марфеньки с Викентьевым оказались счастливыми, и книга сослужила добрую службу. А Вере придется еще раз вспомнить о прочитанной книге уже после «падения»: «Ах, хоть „Кунигунда" надоумила бы меня тогда!» - думала она с трагическим юмором, глубоко страдая (VI, 331). И бабушка и Райский еще упомянут Кунигунду: Райский - опасаясь, как бы бабушка вновь о ней не заговорила (VI, .о 240), бабушка - желая исповедаться перед Верой и Райским (VI, » 340). Так обращение к старому роману послужило Гончарову при развитии сюжета «Обрыва» и в раскрытии психологии героев романа.

Можно смело утверждать, что в романе эпохи Просвещения и в романе Гончарова книга стала одним из персонажей, «действующим лицом», она была советницей, утешительницей героям, соучастником действия, служила параллелью, оттеняла реально происходящие события.

И еще. В романе Гончарова около двадцати раз упоминается слово „статуя", само это слово и понятие использовались автором «Обрыва» с разными целями.²¹ Понятие „статуя" связано с образом Райского. Во-первых, желание стать скульптором венчает конец творческого пути Райского-художника. Несомненно одаренный, но дилетант, Райский пробует себя в живописи, музыке, сочинительстве романа и в конце концов утешает себя тем, что он - пластик, недаром интересующие его женщины всегда являлись ему во сне и наяву прежде всего статуями. Он с пылом предается овладению мастерством скульптора, но ни у кого нет уверенности, что и это дело будет доведено им до конца. Райский не умеет работать, он поддается только я, вдохновению, не понимая того, что «ни жизнью, ни искусством шутить нельзя. И то и другое строго: оттого немного на свете и людей и художников» (V, 133). Он корит себя за то, что «выдумал какую-то осмысленную и одухотворенную Венеру» (VI, 415). Однако именно это говорит нам, во-вторых, о Том, что Гончаров тесно переплетает тему художника и тему любовную; особенности душевного склада его героя особенно ярко проявляются в любви, в анализе природы страсти как силы стихийной, неподвластной разуму. Для Райского и Софья Беловодова, покойная, невозмутимая красавица-вдова, и непонятная, непостижимая Вера - это мраморные статуи, ибо они не оживлены, не ясны, ему хотелось бы вдохнуть в них жизнь как он ее понимает, он хочет оживить другую душу, оживить тело, прекрасное, как античная статуя. Поэтому он требует от женщины внутренней работы над собой, потому что в статуе сосредоточивались черты нетленной красоты его идеала (VI, 412). После бесплодных разговоров с Софьей о страсти и ее благотворных живительных результатах он видит Софью во сне: она рисовалась ему белой, холодной статуей, которая, обратив каменное лицо к небу, положив руки на колени, полуоткрыв уста, кажется, жаждала пробуждения; под влиянием внешнего воздействия сил природы веки ее медленно открылись, и искра пробежала по груди, дрогнуло холодное тело, бледные щеки зардели; статуя ожила, жизнь волнами вторглась в пробужденное сознание, члены стали жизненны, телесны, статуя шевелилась, глядела лучистыми глазами (V, 151-152). Но это был только сон: Беловодова для Райского осталась прекрасной, но холодной и без души статуей, которую мог полюбить разве Пигмалион (VI, 152).²²

Пробуждение страсти в мраморной кузине оказалось ему не под силу. Ожившую статую Райский увидел в Вере; он наблюдал ее преображение из статуи холодной, непробужденной, в живое существо, около которого заиграла и заструилась жизнь; это было пробуждение от девического сна, и красота пробужденной Веры была неотразимой, живой, пленительной (VI, 272-273). Статуя - это не только чистота и красота, это ощущение живительной силы страстей, блаженства и страдания, желаний и восприятий.

Когда читаешь эти страницы романа, невольно вновь обращаешься к веку Просвещения. В «Обрыве» Гончаров ни разу не упоминает имени Этьена Бонно де Кондильяка (1715-1780) и название его нашумевшего в свое время «Трактата об ощущениях» (1754), хотя определенная связь рассуждений Гончарова и мыслителя XVIII в. нам кажется очевидной. Кондильяк призывает читателя поставить себя на место статуи, которую он собирается наблюдать.²³ Сделанная снаружи из мрамора, статуя поначалу не способна пользоваться ни одним из чувств, и автор оставляет за собой право пускать их в ход по своему выбору, открывая для различных впечатлений, которые они способны испытывать. Принцип развития ее способностей содержится в самих ощущениях, ее суждения, размышления, желания, страсти представляют собой не что иное, как само ощущение в его различных превращениях. Природа дает нам только органы, предоставляя опыту научить нас приобретать привычки и закончить начатую ею работу.²⁴ Философия Кондильяка, основанная на учении Локка, была направлена против «систем», которые абсолютизировали знание, доставляемое чистым умозрением, и основывалась на убеждении, что все наши знания покоятся на опыте. Разработанная Кондильяком теория познания, где он отказывается от роли внутренне! опыта Локка, легла в основу воззрений энциклопедистов; ощущения - это единственный источник всего, что есть в нашем сознании знания. Мы должны научиться пользоваться органами чувств, которые даны нам природой, но для приобретения привычки ощущать нужен опыт, поскольку у нас нет врожденных знаний.

При сличении рассуждений Кондильяка и принципа исследования Гончаровым человеческой природы можно ощутить избирательное; но тесное сродство. Понимание страсти, предполагавшее известный детерминизм, который характеризовал этику XVIII в., психология художественной природы, соотношение старого и нового, роль опыта, роль знания и книги в деле формирования личности, свойственное веку Просвещения, - все это вспомнилось глубоко образованному Гончарову, когда он писал роман о «русском типе», о «русской жизни». Гончаров не грешил отсутствием исторического чутья. Считая насмешку правнуков над пращурами безнравственной и невежественной (VI, 450), он использовал свой богатый опыт и знания, создавая один из лучших романов всех веков и народов.

1 Гончаров И.А. Собр.соч.: В 8 т. Т.6. М., 1980. С.444 (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы).

2 См.: Rehm W. Gontscharov und die Langeweile: Experimentum medietatis. Munchen, 1947 (Гончаров и западноевропейская философия); Rothe H. Goethes Spuren im Beginn des Russischen Realismus (1845-1860) / Goethe und die Welt Slaven. Giessen, 1981. S.158-173 (Гончаров и Гете); Тирген П. Обломов как человек-обломок (к постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») // Русская литература. 1990. № 3. С.18-33; Мельник В.И. 1) Философские мотивы в романе И.А.Гончарова «Обломов» (К вопросу о соотношении «социального» и «нравственного» в романе) // Русская литература. 1982. № 3. С. 81-99; 2) Реализм И.А.Гончарова. Владивосток, 1985; 3) И.А.Гончаров в полемике с этикой позитивизма (к постановке проблемы) // Русская литература. 1990. № 1. С.34-45 (Гончаров и Руссо, Винкельман, Сервантес, Шекспир, позитивисты).

3 Из переводов Гончарова известен перевод двух глав романа Э.Сю «Атар-Гюль» (Телескоп. 1832. № 15-16).

4 Дело не только в том, что имя Мольера встречается на страницах романа Гончарова (V, 41; VI, 387). В «Обрыве» несколько раз заходит речь о донжуанизме. Райский возмущен тем, что Дон Жуана считают пустым человеком, ибо донжуанизм - то же в людском роде, что донкихотство, еще глубже; главное - это наслаждение красотой, потому и Дон Жуан наслаждался прежде всего эстетически этой потребностью (V, 13; VI, 151). Несмотря на упоминание в этой связи имени Байрона, на память приходит монолог Дон Жуана Мольера, где, в частности, сказано, что красота восхищает Дон Жуана повсюду, где бы он ее ни встретил, достоинствам каждой женщины он воздает дань и поклонение, к которым нас обязывает природа («Дон Жуан», 1, 2).

Упомянем также, что страдания Тушина после разговора с Верой об «обрыве» напоминают образованному читателю роман мадам де Лафайет «Принцесса Клевская» (1678), где героиня признается мужу в любви к другому. Признание это было бессмысленной жестокостью, хоть и свидетельствовало об искренности и правдивости героини, оно служило ей нравственным утешением в ее эгоизме. Тушин «с унынием, почти с отчаянием» говорит Вере: «Напрасно только вы сказали мне вашу тайну». Вера откровенно отвечает ему: «Это не для вас нужно было, а для меня самой» (VI, 303-304).

5 [Argens, marquis de]. Memoires du marquis de Mirmon, ou le Solitaire philosophe Amsterdam, 1736. P.134-141.

6 Diderot D. Oeuvres completes: In 20 t. Paris, 1875-1877. T.XVIII. P.72.

7 Formey J.-H.-S. Conseils pour former une bibliotheque peu nombreuse, mais choisie. Berlin, 1755.

8 Ibid. P.XIX-XXIV.

9 Naud G. Advis pour dresser une bibliotheque. Paris, 1627.

10 [Argens, marquis de]. Memoires du marquis de Mirmon, ou le Solitaire philosophe. P.146.

11 Formey J.-H.-S. Conseils pour former une bibliotheque peu nombreuse, mais choisie. P.40-41.

12 Ibid. P.40-49.

13 Naude G. Advis pour dresser une bibliotheque. P. 69.

14 Mornet D. Les Enseignements des bibliotheques privees au XVIII siecle// Revue d'histoire litteraire de la France. 1910. N 3. P.449-496.

15 Ibid. P.457.

16 Ligou D. La part du roman dans quelques bibliotheques du XVIII siecle // Roman et Lumieres, Paris, 1970. P.48-63.

17 Русские библиотеки и их читатель (Из истории русской культуры эпохи феодализма): Сб. ст. / Под ред. Б.Б.Пиотровского и С.П.Луппова. Л., 1983; см. также: Peignot G. Souvenirs relatifs a quelques bibliotheques du temps passe. Paris, 1836; Franclin A. Les anciennes bibliotheques de Paris. Paris, 1870; Masson A. Le Decor des Bibliotheques du Moyen Age a la Revolution. Geneve, 1972; Bibliotheques du XVII siecle // Revue francaise d'histoire du livre. 1979. Juillet-septembre (numero special).

18 Подробнее об этом см.: Разумовская М.В. 1) Библиотека ученого и библиотека романиста в XVIII веке // Альманах библиофила. Вып.IX. М., 1980. С.206-222; 2) Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981.

19 Не удивительно, что персонажи романа часто прибегают к литературным сравнениям из Шекспира (VI, 93, 197, 347), из Шиллера (V, 282; VI, 166), из Гете (V, 350).

20 Сейчас мы не можем сказать, что это был за роман, ибо ни автор его, ни название в «Обрыве» не приводятся (разумеется, роман мог быть анонимным). Просмотренные каталоги не помогли нам установить это. Скорее всего, это роман немецкий, судя по имени героини и тому, что виноватый юноша отправляется в Америку из Гамбурга. Но имя его – Ричард - наводит на размышление о том, что Гончаров мог, рассказывая содержание романа, сделать пародию на модные во второй половине XVIII в., особенно в Германии, чувствительные сочинения: он использует все традиционные приемы и штампы, к которым прибегали второразрядные романисты той поры.

21 Даже Марфенька видит во сне движущиеся статуи (VI, 158-159), что напоминает сон Мирзозы в романе Дидро «Нескромные сокровища» (1748, гл. 40).

22 Вспомним, что около Софьи нет книг. Райский говорит ей: «Осмотрите около себя: около вас шелк, бархат, бронза, фарфор» (V, 34). Сама она один раз говорит о предположительных «разбросанных книгах», которые привели бы в отчаяние ее тетушек, наряду с другими «беспорядками».

23 Кондильяк Э.Б., де. Соч.: В 3 т. М, 1980-1983. Т.2. С.190-399.

24 Там же Т.2. С.190-192.